

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 128; 130.121, 82.091; 004.891.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-706-714
EDN BBGAEY

Датафикация как новая форма отчуждения: экзистенциальный разрыв и толстовский императив подлинности в цифровую эпоху

¹ Когай Е.А., ² Кузнецов А.В., ¹ Королева Л.Г.

¹ Курский государственный университет

Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

² Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

eakogay@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Аннотация. В контексте антропологического кризиса цифровой эпохи, характеризующегося тотальной опосредованностью человеческого существования технологическими интерфейсами, философско-литературное наследие Л.Н. Толстого приобретает статус релевантного герменевтического инструмента. В работе показывается, как ключевые проблемы толстовской антропологии – поиск аутентичности, преодоление отчуждения и конфронтация с конечностью как ограниченностью и временностью земного бытия, получают новое конкретное воплощение в условиях доминирования алгоритмической рациональности и развития искусственного интеллекта. Анализ осуществляется через призму категорий философской антропологии, таких как «перформативная идентичность», «интерсубъективность», «редукция к данным» (датафикация) и «экзистенциальный разрыв». Прогностическая модель рассматривает развитие ИИ не как разрешение, а как радикализацию этих экзистенциальных противоречий, требующую нового прочтения толстовского императива «опрощения» как формы технологического аскетизма и утверждения нередуцируемой человеческой экзистенции.

Ключевые слова: философская антропология, Л.Н. Толстой, цифровая эпоха, неподлинное существование, датафикация, искусственный интеллект, ИИ, экзистенциальный разрыв, смысл жизни

Для цитирования: Когай Е.А., Кузнецов А.В., Королева Л.Г. 2025. Датафикация как новая форма отчуждения: экзистенциальный разрыв и толстовский императив подлинности в цифровую эпоху.

НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 50(4): 706–714. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-706-714 EDN: BBGAEY

Datafication and Alienation: Existential Crisis and the Tolstoyan Pursuit of Authenticity in the Digital Era

¹ Evgeniya A. Kogay, ² Andrey V. Kuznetsov, ¹ Lyudmila G. Koroleva

¹ Kursk State University

33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russian Federation

² 2 I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

eakogay@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Abstract. Within the context of the anthropological crisis of the digital age, which is characterized by the total mediation of human existence through technological interfaces, the philosophical and literary

heritage of Leo Tolstoy gains the status of a relevant hermeneutic tool. This paper demonstrates how the key problems of Tolstoyan anthropology – the quest for authenticity, the overcoming of alienation, and the confrontation with finitude – acquire a new embodiment under the dominance of algorithmic rationality and the development of artificial intelligence. The analysis is conducted through the lens of philosophical anthropology categories such as “performative identity”, “intersubjectivity”, “datafication”, and “existential gap”. The prognostic model views AI development not as a resolution but as a radicalization of these existential contradictions, necessitating a renewed reading of the Tolstoyan imperative of “simplification” as a form of technological asceticism and an affirmation of irreducible human existence.

Keywords: philosophical anthropology, Leo Tolstoy, digital age, inauthentic existence, datafication, artificial intelligence (AI), existential gap, meaning of life

For citation: Kogay E.A., Kuznetsov A.V., Koroleva L.G. 2025. Datafication and Alienation: Existential Crisis and the Tolstoyan Pursuit of Authenticity in the Digital Era. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 706–714 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-706-714 EDN: BBGAEY

Философско-антропологический проект Л.Н. Толстого, сфокусированный на дилеммии подлинного и неподлинного модусов существования, обнаруживает свою прогностическую силу при анализе антропологического кризиса цифровой эпохи, характеризующегося радикальной трансформацией онтологических оснований человеческого бытия-в-мире. Категориальный аппарат толстовской критики «общего шаблона» жизни и отчуждения предоставляет герменевтический инструментарий для деконструкции паттернов алгоритмически детерминированного поведения, цифровой симуляции интерсубъективности и редукции экзистенциальной субъективности к операционализируемым данным (датафикации). В контексте тотальной кибернетизации жизненного мира, где доминирование инструментального разума достигает апогея в формах искусственного интеллекта и предиктивной аналитики, толстовская проблематика обретает новое измерение. Его экзистенциальный императив обретения «внутреннего света» противостоит процессам формирования перформативной идентичности, опосредованной цифровыми платформами, и антропологическому уплощению, индуцированному метризацией человеческих качеств.

Наше исследование позиционирует нарративы Л.Н. Толстого как критический метаязык, применяемый в анализе эпистемологических и онтологических рисков технологической среды, включая эрозию автономии воли, кризис аутентичности и симуляцию трансцендентного в проектах цифрового бессмертия. Для верификации данной методологической установки представляется эвристичным обращение к конкретным текстам писателя. Через призму таких произведений, как «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната» и «Исповедь», выявляется структурное соответствие между этикой социальной конформности и современной логикой алгоритмического управления, что позволяет концептуализировать технологический аскетизм как форму сопротивления цифровой гетерономии и утверждения нередуцируемой экзистенциальной правды перед лицом нарастающей симуляции реальности.

Так, в «Исповеди» и «Смерти Ивана Ильича», неподлинное существование манифестируется как жизнь по «общему шаблону» социума, где индивид оказывается редуцирован до своей социальной роли, что может быть интерпретировано как подчинение Dasein безличному диктату das Man (Хайдеггер). Л.Н. Толстой довольно прямо и глубоко философски манифицирует понятие «жизни по шаблону», описывая свое собственное прозрение: «Я тотчас же убедился, во-первых, в том, что это не детские и глупые вопросы, а самые важные и глубокие вопросы в жизни. <...> Для людей моего круга есть четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находимся.

Первый выход есть выход неведения... Второй выход – это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть... Этого второго вывода придерживается большинство людей нашего круга... Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах» [Толстой 1991, Исповедь III]. «Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусства – все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя» [Толстой 1991, Исповедь X]. Здесь Л.Н. Толстой приходит к выводу, что окружающие его люди живут автоматически, следуя социальным ритуалам и условностям («как живут все»), не задаваясь экзистенциальными вопросами. Эта жизнь – «баловство», лишенное подлинного смысла. Экзистенциальный кризис героев возникает как результат осознания онтологического разрыва между конституирующими ядром самости и ее публичной персоной, где последняя представляет собой конформистский конструкт, лишенный экзистенциальной глубины.

Вместе с тем, жизнь по «общему шаблону» в «Смерти Ивана Ильича» показана уже не через философские рассуждения, а через трагическую судьбу конкретного человека: «Жизнь Ивана Ильича и в новом городе сложилась очень приятно... Жизнь Ивана Ильича продолжала итти так, как он считал, что она должна была итти: приятно и прилично» [Толстой 1992, с. 76]. В рукописи Л.Н. Толстого мы обращаем внимание на один из возможных вариантов: «Оказалось, что жена была ревнива, скуча, безтолкова и что въ домашней жизни ничего не выходило, кромъ тяжести и скучи. Придать жизни съ ней веселый, прятный и приличный характеръ не было никакой возможности. Это быль первый ухабъ, въ который заѣхала катившаяся такъ ровно до тѣхъ поръ жизнь Ивана Ильича» [Толстой, 1992, с. 521].

Создается впечатление, что Л.Н. Толстой, описывая жизнь Ивана Ильича самой простой и обыкновенной, считает именно потому ее самой ужасной. Рассуждая о его жизни как довольно скучной, Л.Н. Толстой связывает данную установку с негативными эмоциями и чувствами, описывая состояние как противное, что он (Иван Ильич) готов был бросить всё, но его удерживало сознание того, что он делает то, что все делают, и что поэтому это, должно быть, так и нужно. Здесь мы видим, что Л.Н. Толстой указывает на тот «общий шаблон» в мыслях Ивана Ильича, который был усвоен им с детства и который состоял в том, что жизнь должна быть приятна, прилична и одобряема обществом. Да он и есть, в сущности, воплощение «общего шаблона», ведь Иван Ильич выбирает карьеру, брак, образ жизни, руководствуясь не внутренними убеждениями, а тем, «как принято», «что все одобряют». Этот шаблон становится ловушкой, которая заслоняет от него подлинность бытия и обрекает на духовную пустоту, которая с ужасом открывается ему перед лицом смерти.

Идеальной метафорой подлинного бытия, которое исследуется как антитеза отчуждению, вызванному датафикацией, сопряжена с номотетической литературой, которая «в думающем слове прозревает, выражает и любит истину и законы жизни. Она всегда – в уединении, в любящем и тихом разговоре с самим собой мыслящим. И собой – другим, с другим – как с собой. И её предельное выражение – не в писании букв и слов, а в жизни: она живёт так, будто своей жизнью пишет один и тот же текст, который и растворяется в молчаливом приятии собственной судьбы и жизни...» [Римский, 2023, с. 628]. Эта цитата служит ключевыми феноменологическим маркером, позволяющим перейти от литературного примера к строгому философскому обобщению. Толстовское описание жизни «как все» и ее экзистенциального краха является прямым предвосхищением центральных категорий экзистенциальной философии: неподлинности, отчуждения и бытия-к-смерти. Поэтому его критика «общего шаблона» может быть интерпретирована как фундаментальная деконструкция неподлинного модуса

человеческого бытия, обусловленного тотальной социальной гетерономией. Л.Н. Толстой фактически предвосхищает ключевые интуиции экзистенциальной аналитики Хайдеггера, демонстрируя, как экзистенциальный проект личности, по своей сути призванный к трансцендированию и автономному смыслопорождению, редуцируется до миметического воспроизведения навязанных извне паттернов – того, что «одобряется обществом» и признается тем, «как все живут». Этот процесс приводит к системной реификации человеческой субъективности: индивид, делегирующий свой экзистенциальный выбор анонимному авторитету «они» (*das Man*), утрачивает способность к *Selbstsein* (быть самим собой), погружаясь в состояние онтологической забывности. Неподлинность, таким образом, проявляется не просто как моральный недостаток, но как форма радикального отчуждения, при которой бытие подменяется функционированием в рамках социальной или – в современном контексте – технологической системы. Именно этот механизм Л.Н. Толстой с беспощадной точностью вскрывает в «Смерти Ивана Ильича», где жизнь, выстроенная в строгом соответствии с внешними, конвенциональными критериями успеха, оборачивается экзистенциальной катастрофой в момент столкновения с конечностью. Смерть здесь выступает как категорический императив аутентичности: она размыкает рутину повседневности, обнажая пропасть между бытием-к-смерти (*Sein-zum-Tode*) и существованием в режиме «общего шаблона». Следовательно, толстовский проект обретения «внутреннего света» может быть прочитан как герменевтический призыв к экзистенциальному пробуждению – сознательному отвержению гетерономных детерминаций и утверждению себя в качестве субъекта, несущего ответственность за придаваемый жизни смысл перед лицом ничто. В этом аспекте наследие Л.Н. Толстого оказывается не только диагнозом кризиса, порожденного социальной конформностью XIX века, но и универсальным ключом к критике любых форм отчуждения человеческой экзистенции, включая современные практики её алгоритмической оптимизации и датафикации.

И здесь нам представляется принципиально важным, что в условиях цифрового технологического уклада данный разрыв приобретает тотальный и гипертрофированный характер. Социальные платформы институционализируют перформативную идентичность (Дж. Батлер) в качестве доминирующего модуса бытия-в-сети, тем самым радикализируя толстовскую диагностику. Конституирование «Я» происходит здесь через непрерывный акт курирования цифрового следа – лайков, постов, репостов, – который ориентирован исключительно на внешний алгоритмический и социальный запрос. Следовательно, толстовский вопрос о «истинной жизни» трансмутирует в проблему цифровой аутентичности, ставя под сомнение онтологический статус антропологического опыта в аспекте онлайн-самости: является ли она экспликацией внутреннего мира или же результатом конформного подчинения интерфейсным императивам.

Более того, алгоритмы рекомендаций, функционирующие в роли своего рода технологического бессознательного, не просто пассивно отражают предпочтения пользователя, но активно формируют его желание и вкус. Этот процесс ставит под сомнение саму возможность автономного самоопределения, поскольку символический порядок (Лакан) и аффективные паттерны индивида все в большей степени детерминируются внешней технической средой. В данном контексте практика толстовских героев, таких, например, как Пьер Безухов в романе-эпопее «Война и мир», примеряющего различные идентичности в поисках себя, находит свою предельную и одновременно завершенную реализацию. Духовная эволюция Пьера Безухова представляет собой процесс трансценденции за пределы отчужденного существования. Его прежняя жизнь, детерминированная внешними социальными ритуалами и анонимной властью *das Man*, сменяется решительным поворотом к аутентичности. Этот поворот

выражается в радикальной смене темпорального режима: Пьер начинает проживать время не как проект будущего или бремя прошлого, а как настоящее-присутствие (Хайдеггер), обретая полноту бытия в каждом актуальном моменте. В эпилоге мы видим героя, достигшего состояния экзистенциальной уверенности и гармонии с жизненным миром, где семья выступает как онтологическое основание его подлинной самости. В отличие от онтологического поиска Пьера Безухова, чей путь к аутентичности лежал через отказ от несобственного бытия, цифровой перформанс делает смену идентичностей не экзистенциальным поиском, а технически опосредованной и перманентной симуляцией, где профили в социальных сетях становятся симулякрами (Бодрийяр), окончательно замещающими как антропологический опыт, так и его когнитивную структуру подлинной самости.

Таким образом, можно констатировать, что цифровая среда доводит логику неподлинного существования, описанную Л.Н. Толстым, до своего апогея, порождая новые формы отчуждения. Речь идет уже не только об отчуждении от природы или труда, но об отчуждении от собственного цифрового двойника в процессе датафикации, когда человеческая экзистенция редуцируется до машиночитаемых данных. Здесь термин датафикация применяется нами для того, чтобы далее мы имели возможность говорить о том, что происходит, когда данные становятся частью социальных процессов. В данном случае, по нашему мнению, это приводит к распаду подлинной интерсубъективности, которая замещается транзакционным обменом сигналами, и к реификации (Лукач) социальных отношений (превращение абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены), которые овеществляются в метриках подписчиков и просмотров. Следовательно, наследие Л.Н. Толстого предоставляет не просто историческую параллель, но и строгий герменевтический инструмент для критики современности, указывая на необходимость выработки практик цифровой аскезы как осознанного сопротивления этой новой форме онтологического отчуждения.

Наряду с этим, анализируя современную цифровую проблематику через призму текстов Л.Н. Толстого, можно выявить ряд глубоких аллюзий, раскрывающих экзистенциальные и антропологические вызовы технологической эпохи. Использование аллюзий в анализе цифровой проблематики через призму творчества Л.Н. Толстого является не просто стилистическим приемом, но методологически и герменевтически оправданным подходом. Далее укажем на возможные ключевые причины его уместности.

Во-первых, в качестве общей основы для установления диалога между эпохами определим критику «неподлинности», ведь Л.Н. Толстой является мастером критики социальной мимикрии, где человек теряет себя в ритуалах и условностях среды («Смерть Ивана Ильича», «Анна Каренина»). Современная цифровая культура гипертрофировала эту проблему: лайки, сторис, виральность стали новыми формами социального ритуала, где алгоритмы выступают механизмом принуждения к конформизму. Аллюзия на произведения Л.Н. Толстого позволяет показать, что технологический уклад не создал новую природу человека, но вывел старые конфликты на иной уровень, сделав их тотальными. Аллюзии работают как оптический инструмент: они позволяют сфокусировать размытые современные явления через четкие толстовские образы. Например, «цифровой» Иван Ильич – пользователь, выстраивающий идеальный профиль, но испытывающий экзистенциальный кризис при столкновении с реальностью (например, кибербуллинг – провал проекта, digital death / цифровая смерть – удаление аккаунта). Для нас это не просто сравнение, а метод анализа, раскрывающий суть явления через его архетипическую форму. Наряду с этим дискуссии о цифровой эпохе часто сводятся к технократическому фатализму: «алгоритмы правят миром». Аллюзии на произведения Л.Н. Толстого позволяют нам вернуть в центр рефлексии человеческое измерение. Иными словами, Толстой показывает, что проблема не в институтах самих по себе (светское общество XIX века – цифровые платформы сегодня), а в способе существования человека

внутри них – в отказе от аутентичности. Это, в свою очередь, смещает фокус с «проклятия технологий» на этический выбор личности, чтоозвучно современной философии техники (Боргман, Айрис). Вместе с тем Толстой – не просто философ, но художник, обращающийся к экзистенциальному опыту. Аллюзии на его тексты вызывают эмоциональный отклик (узнавание сюжетов «Смерти Ивана Ильича» или «Крейцеровой сонаты»), придают анализу этическую напряженность, отсутствующую в сухих технических отчетах. Это позволяет говорить о цифровых проблемах не как о «багах системы», а как о трагедиях человеческого духа, что критически важно для их осмысления. Кроме того, цифровая эпоха часто мифологизируется как «неизбежное будущее». Л.Н. Толстой же в «Исповеди» разоблачает миф о прогрессе как цели истории. Его аллюзии обнажают, что технологические изменения не отменяют экзистенциальные вопросы (смерть, смысл, одиночество), а лишь маскируют их под лозунгами «удобства» и «инноваций». Это позволяет демистифицировать нарративы силиконовой долины, показав их как новую версию старой игры по правилам das Man (Хайдеггер), то есть человека, «не имеющего собственного лица». В «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстой обнажает парадокс: его герой, проживший «правильную» с точки зрения света жизнь, перед лицом небытия осознаёт, что она была «не то». Эта жизнь, выстроенная из карьерных ступеней, светских условностей и комфорта, оказалась глубоко неискренней, порождающей чудовищный экзистенциальный вакuum. В современном контексте эту роль «не той» жизни выполняет цифровая симуляция. Социальные платформы становятся новым интерфейсом для конструирования идеального, одобряемого алгоритмами существования. Лайки, комментарии, количество подписчиков и виртуальное признание создают иллюзию насыщенной и состоявшейся жизни – ровно ту же, что и успешная карьера Ивана Ильича в суде. Но за этим глянцевым фасадом, как и за фасадом жизни толстовского персонажа, часто скрывается та же пустота. Блогер, выстраивающий идеальную картинку путешествий, счастья и успеха, может испытывать тот же леденящий ужас от осознания искусственности своего существования, что и толстовский герой на диване. Его «я» распадается на два: куратор идеального цифрового двойника и одинокий человек, жаждущий подлинности. Цифровая платформа становится таким же «защитным барьером» от экзистенциальных вопросов, каким для Ивана Ильича была его служба и игра в винт. И так же, как и ему, современному человеку в тишине ночи или в момент кризиса может открыться страшная правда: что его «насыщенная» цифровая жизнь была лишь симуляцией, уводящей от подлинного бытия и подлинной встречи с собой и другими. Это и есть экзистенциальное одиночество 2.0, усугублённое тем, что даже его нельзя прожить аутентично, не превратив в контент.

Во-вторых, проецируя толстовскую проблематику на новый онтологический ландшафт, мы обнаруживаем, что поиск идентичности в мире алгоритмов обретает черты пути Пьера Безухова, чье экзистенциальное странствие по разным философским и социальным «системам» прямо коррелирует с современной попыткой личности выстроить аутентичное существование в цифровой среде, перенасыщенной чужими сценариями. Эти цифровые формы отчуждения ведут к парадоксу, который можно выразить почти поэтически: мы, множа лики, теряем в итоге себя, в чужих зеркалах стирая свои черты. Этот процесс напрямую коррелирует с толстовской критикой жизни по «общему шаблону», где подлинное «Я» оказывается подменено набором предписанных ролей. Пьер Безухов, проходя через масонские ложи, филантропию, светские рауты и духовные кризисы, ведёт подлинный поиск. Его примерка ролей – это мучительный, но искренний процесс самопознания, диалог с миром и с самим собой. Каждая новая идентичность – это не просто маска, а ступень, ведущая его через страдание и разочарование к обретению внутреннего стержня, к той нравственной ясности и простоте, которые он обретает к финалу романа. В цифровом же пространстве алгоритмы платформ поощряют перформативный шизофренический бред. Пользователь не ищет себя, а реагирует на

внешние сигналы одобрения (лайки, просмотры, репосты). Сегодня он, скажем, «активист», потому что это трендово, завтра он занимается карьерным коучингом и так далее, потому что этот образ в контенте набирает охваты. Эти маски не имеют глубины, они лишены экзистенциального стержня. Это не этапы пути, а сиюминутные товары на рынке внимания. Однако ключевое различие осуществляется в онтологической укоренённости. Путь Пьера укоренён в реальном опыте, страдании, рефлексии и в конечном счёте – в обретении ответственности (перед собой, семьёй, страной). Цифровой перформанс, напротив, подрывает всякую укоренённость. Идентичность становится текучей, фрагментированной, зависящей от конъюнктуры алгоритмической ленты. Это ведёт не к интеграции «Я», а к его диссоциации, к потере самого вопроса «Кто я?», который заменяется вопросом «Какой образ сейчас вызовет больше одобрения?».

Таким образом, если путь Пьера мы видим в диалектическом восхождении к себе через отрицание ложных идентичностей, то цифровая игра превращается в бегство по горизонтали от самого себя в бесконечный зеркальный лабиринт чужих взглядов и алгоритмических предписаний.

Проблема технологического опосредования человеческих отношений находит свое развитие в следующей аллюзии – обращении к повести «Крейцерова соната». В «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстой откровенным образом обличает страсть как слепое, животное начало, которая подменяет собой истинную, духовную любовь и разрушает всякую возможность подлинной близости между людьми: «Период любви – период злобы; энергический период любви – длинный период злобы, более слабое проявление любви – короткий период злобы. Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были тоже самое животное чувство, только с разных концов» [Толстой, 2006, VII, с. 21]. В любви мы видим что-то высокое и поэтическое. Но, указывая нам на любовь Поздышева, Л.Н. Толстой объявляет ее грубой физиологической потребностью, «животным» инстинктом, не имеющим ничего общего с истинным, духовным чувством. Сегодня эту разрушительную роль всё чаще берут на себя технологии, выступая новым опосредующим и разъединяющим интерфейсом. Свидания, сведённые к механическому свайпу в приложениях для романтических знакомств, дружба, редуцированная до лайков и формальных поздравлений в социальных сетях, семейное общение, заключённое в холодный прямоугольник видео-конференц-связи (ВКС), – всё это формы транзакционализации человеческих связей.

Как и страсть у Толстого, разрушающая подлинную близость и общение, технологический интерфейс предлагает суррогат – иллюзию связи, за которой скрывается эмоциональное отчуждение. Он заменяет живой, спонтанный, полный невербальных нюансов диалог на обмен сигналами (сообщениями, эмодзи, реакциями). Это та же подмена, ведущая к той же пустоте: видимость общения при тотальном одиночестве души, не услышанной и не увиденной по-настоящему: «Ведь мы ненавидели друг друга уже тогда, когда нас влекла друг к другу эта животная страсть. Я не знал тогда, что эта ненависть есть только обратная сторона животной страсти. Мы воображали, что ненавидим друг друга потому, что мы были так разны. А это было не так. Эта ненависть была не что иное, как протест человеческой природы против того животного, которое подавляло ее» [Толстой, 2006, VIII, с. 15]. Страсть не только не является основой для близости, но и прямо противоположна ей. Она порождает ненависть, так как низменное животное начало в человеке вступает в конфликт с его духовной, человеческой природой. Подлинное общение и понимание становятся невозможными. Таким образом, технология, подобно слепой страсти, парадоксальным образом становится не мостом к подлинной близости, а стеной, возведенной между индивидуумами. Она создает иллюзию связи, опосредуя ее алгоритмами, рейтингами и перформативными практиками, которые подменяют живой диалог его симулякром.

Эта мысль находит свое кристаллическое выражение в аллюзии на «Крейцерову сонату» Л.Н. Толстого: «И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом, – вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом» [Толстой, 2006, XXIII, с. 29]. Поздышев обвиняет музыку (в частности, «Крейцерову сонату» Бетховена) в том, что она не возвышает душу, а, наоборот, пробуждает в ней самые темные, животные инстинкты, снимая культурные запреты и условности. Она выступает как мощный инструмент разжигания той самой слепой страсти, которую он ненавидит. Мысль о невозможности подлинных отношений на этой основе мы обнаруживаем у Л.Н. Толстого: «А мы были два ненавидящих друг друга колодника, связанных одной цепью, отравляющие жизнь друг другу и старающиеся не видеть этого» [Толстой, 2006, XVII, с. 21]. Ибо страсть приводит не к союзу душ, а к созданию тюрьмы. Брак, основанный на ней, – это каторга, где два человека, ненавидящие друг друга, вынуждены существовать вместе, не имея духовной связи. Это полная противоположность подлинной близости, которая, по мнению Л.Н. Толстого, должна основываться на духовном и нравственном единстве, а не на физическом влечении.

Эти цитаты из уст Поздышева (являющегося рупором идей позднего Л.Н. Толстого) последовательно доказывают, что страсть – это обманчивая и разрушительная сила. Она маскируется под любовь, но на деле является лишь животным инстинктом, который разобщает людей, отравляет их отношения и делает невозможным истинное, духовное соединение личностей. И если в повести слепая, чувственная страсть героев, опосредованная музыкой, приводит к трагическому разобщению, убийству и духовной смерти, то в современном контексте роль этой роковой «сонаты» играет технологическая среда. Она точно так же опосредует отношения, доводя их до абсурда: бесконечная коммуникация оборачивается глухотой, а доступность – тотальным одиночеством, обнажая ту же толстовскую проблему подмены подлинного человеческого соединения его суррогатом, ведущим к отчуждению.

Список литературы

- Римский В.П., Римская О.Н. 2023. Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(3): 623–631.
- Толстой, Л.Н. Исповедь; В чем моя вера? / Л.Н. Толстой; [Вступ. ст. А. Меня, с. 5-31; Послесл. А. Панченко, с. 346-360; Подгот. текста и comment. Г. Галаган]. – Ленинград: Худож. лит : Ленингр. отд-ние, 1991. – 410 с.
- Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Г. Черткова. – Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. – М.: Терра, 1992. Т. 26: [Произведения, 1885-1889. Т. 26 / ред. П. В. Булычев и др.]. 1992. IX, 948 с.
- Толстой Л.Н. Варианты к «Смерти Ивана Ильича» // Полное собрание сочинений [Текст] / под общ. ред. В.Г. Черткова. – Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. М.: Изд. центр «Терра», 1992. Т. 26: [Произведения, 1885-1889. Т. 26 / ред. П. В. Булычев и др.]. 1992. IX, 948 с.
- Толстой, Л. Н. Крейцерова соната: [повесть, рассказы] / Лев Николаевич Толстой. М.: Мир книги: Литература, 2006 (Ярославль: Ярославский полиграфкомбинат). VII. 495 с.

References

- Rimskiy V.P. Rimskaya O.N. 2023. Molchaniye avtora: avtor i tekst. rech i pismo. diskurs i ponimaniye. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*: 623–631.
- Tolstoy, L.N. Ispoved; V chem moyu vera? / L.N. Tolstoy; [Vstup. st. A. Menya. s. 5-31; Poslesl. A. Panchenko. s. 346-360; Podgot. teksta i komment. G. Galagan]. – Leningrad: Khudozh. lit : Leningr. otd-niye. 1991. 410 s.

- Tolstoy L.N. Smert Ivana Ilicha // Polnoye sobraniye sochineniy / pod obshch. red. V. G. Chertkova. – Reprintnoye vospr. izd. 1928-1958 gg. – M.: Terra. 1992. T. 26: [Proizvedeniya. 1885-1889. T. 26 / red. P. V. Bulychev i dr.]. 1992. IX. 948 s.
- Tolstoy L.N. Varianty k «Smerti Ivana Ilicha» // Polnoye sobraniye sochineniy [Tekst] / pod obshch. red. V.G. Chertkova. – Reprintnoye vospr. izd. 1928-1958 gg. – M. : Terra. 1992. T. 26: [Proizvedeniya. 1885-1889. T. 26 / red. P. V. Bulychev i dr.]. 1992. IX. 948 s.
- Tolstoy. L. N. Kreytserova sonata: [povest. rasskazy] / Lev Nikolayevich Tolstoy. – M.: Mir knigi: Literatura. 2006 (Yaroslavl: Yaroslavskiy poligrafkombinat). VII. 495 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Когай Евгения Анатольевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии, Курский государственный университет, г. Курск, Россия.

Кузнецов Андрей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Королева Людмила Георгиевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Россия.

Evgeniya A. Kogay, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology at Kursk State University, Kursk, Russia.

Andrey V. Kuznetsov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Information and Computer Technologies in the Operations of Internal Affairs Agencies, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Lyudmila G. Koroleva, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russia.